

УДК 93(407)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-947-958

Оригинальное исследование

Народные песни о крепостной неволе как аксиологический источник по социальной истории дореформенной России

Шаповалов В.А. , Шаповалова С.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Россия

E-mail: Shapovalov@bsuedu.ru, Shapovalova_S@bsuedu.ru

Аннотация. В статье анализируются народные песни о крепостнической неволе с акцентацией на аксиологический дискурс. Показаны причины имеющегося мизерного количества антикрепостнических народных песен, дискуссии вокруг причин данного факта. Рассмотрены основные сюжетные векторы антипомещичьих песен, подчеркивается конкретность фольклорных текстов, не выходящих на широкие социальные обобщения. В первую очередь это тяжесть работ и повинностей на барина и отсутствие личного пространства у дворовых. Данный аксиологический аспект указывает на традиционализм крестьянского мировоззрения. В редких случаях звучат призывы к побегу от помещиков и выступлению против них в духе разбойной вольницы. Рассмотренные песенные тексты в контексте аксиологических факторов показывают два мировоззренческих антимира – помещичьего и крестьянского.

Ключевые слова: фольклор, народные песни, крепостное право, крестьянин, барин, аксиология

Для цитирования: Шаповалов В.А., Шаповалова С.П. 2024. Народные песни о крепостной неволе как аксиологический источник по социальной истории дореформенной России. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 947–958. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-947-958.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Folk Songs about Serfdom as an Axiological Source on the Social History of Pre-Reform Russia

Vladimir A. Shapovalov , Svetlana P. Shapovalova

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda st., Belgorod 308015, Russia

E-mail: Shapovalov@bsuedu.ru, Shapovalova_S@bsuedu.ru

Abstract. The article analyzes folk songs about serfdom, with an emphasis on axiological discourse. The reasons for the scanty number of anti-serf folk songs and discussions attempting to account for this fact are shown. The authors consider the main plot vectors of anti-landlord songs and emphasize the concreteness of folklore texts that do not contain broad social generalizations. First of all, they are about the severity of work and duties that servants performed for the master and the lack of their personal space. This axiological aspect indicates the traditionalism of the peasant worldview. In rare cases, there are calls for escaping from the landlords and acting against them in the spirit of robber freemen. The song texts considered in the context of axiological factors show two ideological anti-worlds – that of a landlord and that of a peasant.

Keywords: folklore, folk songs, serfdom, peasant, landlord, axiology

For citation: Shapovalov V.A., Shapovalova S.P. 2024. Folk Songs about Serfdom as an Axiological Source on the Social History of Pre-Reform Russia. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 947–958 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-947-958.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Институт крепостничества начал оформляться с введения Судебника 1497 г. и окончательно оформился Соборным уложением 1649 г., когда впредь запрещался крестьянский выход с помещичьей земли. Вместе с этим отменялись урочные годы, давая барам право бессрочного поиска беглых [Керженцев, 2023, с. 10–11]. Более чем на два века значительная часть российских крестьян стала «крещеной собственностью» помещиков, которые фактически ничем себя не ограничивая, распоряжались судьбами и имуществом своих крестьян. Немалая часть бар не видела большой разницы между крепостными и своим скотом [Семевский, т. 2, 1888, с. 571–605].

Закрепощение, жестокое обращение с крестьянами не могло не отразиться на сознании последних. Это, в свою очередь, нашло отражение в народном фольклоре, главным образом в лирических песнях, где эмоционально показан широкий спектр переживаний и негодования крепостного населения. В российской и зарубежной историографиях данный аксиологический аспект не стал предметом детального исследования.

Объект и методы исследования

Объектом исследования стали фольклорные тексты народных лирических песен, где раскрыты крестьянские воззрения на институт крепостничества с акцентацией на социальный гнет и унижения крепостных, надеждой на справедливость.

При настоящем исследовании нашли применение принципы историзма и объективности, совокупность методов анализа источников. В целом же методологической основой работы стал контент-анализ в рамках систематизации полученных результатов.

Результаты и их обсуждение

Первое, что обращает на себя внимание в рассматриваемом сюжетном контексте, это небольшое количество народных лирических песен антикрепостнической направленности. В известной статье П.В. Шейна «Крепостное право в народных песнях», вышедшей в 1886 г. и, по-сути, ставшей первой значимой работой по данному направлению, всего насчитывается 15 песенных текстов из русского, украинского и белорусского фольклора [Шейн, 1886, с. 483–492, 667–678]. Часть антипомещичьих песен была записана после событий Октября 1917 г., и чем позднее была запись данных песен, тем резче в песенной форме были высказывания в адрес бар [Колпакова, 1962, с. 66]. Нам известно всего 13 песен антикрепостнического контента, записанных в великорусских губерниях, в которых помещики показаны в негативном плане. Это вызывает массу вопросов, в первую очередь – почему до нас дошло столь мизерное количество данных песен, если крепостная эпоха для многих поколений крестьян стала настоящей трагедией? Можно было ожидать значительного количества дошедших до нас антикрепостнических песен. Но этого нет.

Это объясняется тем, что собиратель фольклора, пусть и сочувствующий народу, в сознании крестьян оставался «барином» и, естественно, открывать свою душу через песни, направленные против бар, крестьяне не хотели в присутствии фольклористов из города [Пропп, 1961, с. 12]. В отдельных случаях певцы из народа не приходили к фольклористам в оговоренное время, даже если крестьянам обещали за песни денежное вознаграждение [Истомин, 1894, с. XI]. Народные певцы опасались последствий. Опасения крестьян осознавали и сами собиратели фольклора. В.Я. Пропп в дополнение к вышесказанному выдвинул еще одну причину малочисленности народных песен о крепостной неволе. Он указывает на то, что песни очень конкретного содержания недолговечны, приводя в качестве примера народные песни о войнах XIX века, которые почти полностью забыты. То есть после отмены крепостного права песни о народной неволе могли оказаться забытыми. Но это не основная причина. Если песен данной направленности было много, то, вероятно, о них было

бы известно. В.Я. Пропп предполагает, что главная причина лежит в природе самой лирической песни. Песня содержательно раскрывается через опозтезированную действительность. Но поэтизацию нельзя применить ко всему. Например, борьбу с помещичьим гнетом народ опозтезировал в жанре исторических песен о Ермаке, Разине, Пугачеве [Пропп, 1961, с. 12]. Повседневные, будничные формы борьбы крестьян с барями не стали основой для создания лирических песен атипомещичьей направленности. В.С. Бахтин не совсем согласен с выводами В.Я. Проппа. Он указывает, что в эпоху развитого крепостного права продуктивный, творческий период в истории необрядовой лирической песни уже завершился или подходил к концу. Антикрепостнические мотивы нужно искать в песнях, продолживших и отчасти заменивших собой традиционную крестьянскую песню, – в безымянных песнях более нового склада, в авторских песнях. Но эти песни создавались преимущественно в городе, в среде городских низов, в относительно грамотной среде, до которой доходили уже веяния письма иной поэзии [Бахтин, 2004, с. 32].

По всей видимости, лишь совокупность указанных причин малочисленности народных песен о крепостной неволе может дать ответ на этот вопрос. Тем не менее необходимо указать, что точка зрения В.Я. Проппа, на наш взгляд, имеет под собой больше обоснований. Расцвет крепостничества – это один из этапов крепостной эпохи, но речь должна идти о всем периоде крепостничества. Песенные тексты о крепостной неволе не всегда можно соотнести с авторством барской прислуги или представителей городских низов.

Учитывая неразрывное единство в песне слова и напева, эмоциональное восприятие во многом зависело от её звучания. Песни о крепостной неволе всегда пелись протяжно, надрывно, показывая трагизм происходящего с песенными героями. Здесь необходимо учитывать, что люди в традиционных обществах были чрезвычайно впечатлительны и эмоциональны. Для них эмоции служили важным средством общения, компенсировавшим бедность и неразвитость языка, служили одним из механизмов познания человеком внутреннего мира других людей путем проникновения – вчувствования в их переживания [Мионов, 2018, т. 3, с. 532]. Песня помогала понять переживания и чаяния других людей, обозначала определенных круг проблем, в который посвящались слушатели.

В песнях о крепостной неволе наиболее ярко представлены песни об эксплуатации крестьян и степени тяжести их труда на бар. Так, в песне «Из-за леса, леса темного» дочка, остановившись в лесу по дороге к родным, посылает через соловушку родителям «челобитьце» и «низкий поклон».

... Что пропали наши головы
За боярами, за ворами:
Гонят старого, гонят малого
На работушку тяжелую,
На работушку ранешенько,
А с работушки позднешенько [Шейн, 1886, с. 489].

В послании дочь акцентирует внимание родителей на невыносимые условия труда на бояр, когда на барщину выгоняют всех, от детей до стариков, которые работают весь световой день. Указания на бояр в качестве воров, вероятно, можно трактовать не в прямом значении данного термина. Скорее всего, здесь речь идет о том, что бояре воруют у крестьян посредством тяжелой работы большую часть суток, личное пространство, физическое и моральное здоровье.

Этот посыл присутствует и в песне «Сама себя Дуня погубила», где возлюбленный выговаривает девушке, что она за собой не особо следит – «не хорошо ходишь». Дуня отвечает:

... Рада б, рада я хорошо ходити,
Волосенные чулочки носити;
У нас барщинка, барщинка лихая,

Командиры злые мироеды,
На барщину рано выгоняют,
А с барщинки поздно распускают [Новикова, 1957, с. 82].

В рассматриваемых песнях основное внимание акцентируется на тяжком труде на помещиков, который отнимает у крестьян фактически все их время. Дело в том, что крепостное право понималось ими не как нарушение человеческих прав, притеснения личности. Крепостная неволя воспринималась не абстрактно – как полная власть над крестьянином, а конкретно – как обязанность ходить на барщину, платить оброк, выполнять различные другие повинности [Миронов, 2018, т. 3, с. 530]. Все эти аксиологические нюансы находились в рамках крестьянского традиционализма – так жили наши деды и отцы, так и нам жить. Но в крестьянском понимании помещик – «отец» – не должен был переступить грань разумного, «христианского» обращения со своими крестьянами – «детьми». Пересечение этой грани вызывало возмущение в крестьянской среде, что и находило отражение в песнях.

В следующих пяти песнях продолжается антипомещичья риторика, связанная с тяжелыми условиями труда крепостных в барском имении, но уже с конкретной детализацией по различным повинностям и половозрастной спецификой эксплуатируемых. В песне «Калинушку с малинушкой водой залило» последние четыре строки до начала 1860-х гг. никогда не публиковались [Шейн, 1886, с. 490]. Именно в них антипомещичий настрой, выраженный в диалоге младшего брата с сестрой, которая обернулась пташечкой и после длительного времени прилетела к родне:

... Про свое горе Расскажи, про наше спроси:
Как батюшку с матушкой за Волгу везут,
Большаго-то брата в солдаты куют,
А средняго-то брата в лакеи стригут,
А меньшего брата в прикащики [Там же].

По сути, в песне указывается на принудительное переселение крестьян с одного имения в другое, сдачу в рекруты, перевод в дворовые и вотчинный аппарат. В плане показа спектра эксплуатации крепостных крестьян идентична данной песне песня «Вы кудри ль, мои кудри», исполняемая женщинами и девушками:

...Разорил нашу сторонку
Злодей боярин, господин,
Как выбрал он, злодей,
Молодых наших рябят,
Молодых наших рябят,
Во солдатушки,
А нас, красных девушек,
Во служаночки,
Молодых молодушек
Во кормилочки,
А матушек с батюшками
На работушку.
Собрались наши ребятушки
Что на круту горушку,
Отказали наши ребятушки
Своему боярину-господинушке:
«Ты злодей, наш господин,
Мы тебе не солдатушки,

Красны девушки тебе
Не служаночки... [Шейн, 1886, с. 491].

В песне боярина называют злодеем, что сразу подчеркивает отношение крестьян к нему, его методам управления своими крепостными – «детьми». То есть бар не интересовали маломальские интересы и жизненные обстоятельства крестьян. На первом месте стоял жизненный комфорт помещика или, как его называл М.Е. Салтыков-Щедрин, «хищничество» (отношения бар к крестьянам и собственному комфорту – В.Ш.). «Под хищничеством он понимал... брезгливость относительно всего, что не носит на себе печати изящества. Чем выше мы поднимаемся по ступеням цивилизации, тем более развивается у нас чувство изящного, чувство комфорта. Мы не только желаем сидеть, ходить и ехать удобно, но требуем, чтобы при отправлении всех этих удобств ничего не оскорбляло нашего зрения, не резало нашего слуха, не смущало спокойствия нашей души. Недаром в благоустроенных населенных центрах не терпят присутствия нищих на улице...» [Салтыков-Щедрин, 2020, с. 91]. Отсюда песня отражает в аксиологическом контексте две антитезы мировосприятия бар и крестьян. Что считается обыденным обстоятельством для помещиков, в ряде случаев совершенно не приемлемо для крестьян.

Текст песни «Э-ох, что ж ты, волюшка моя, во... моя волюшка» продолжает подтверждать топос вора-боярина, разорителя-барина в крестьянской среде. Конкретно это заключается в следующих строках:

...Э-ох разоренная была деревня, деревенька,
То была Декшинская,
Ох, за то она разоре... разоренная –
Нету девок, мальцов.
Ох, разорил-то эту дере... деревеньку
Да вот вор-боярин,
Э-ох, разудалых добрых моло... молодцев
Поотдал в солдаты,
Э-ох, расхороших красных де... да вот девушек
Все замуж повыдал.
Э-ох, зарости ты, мое подво... подворьице,
Широко, далеко,
Э-ох, широко было и дале... далеко,
Да травую, муравую [Русская лирическая песня, 2004, с. 250].

В песне показывается картина разорения барином его деревеньки, судьба которой зарости «травую, муравую».

Вышеуказанный топос барина (барыни) – разорителя ярко демонстрирует песня «Злодей ты, наша барыня»:

...Злодей ты, наша барыня,
Сжила всю свою вотчину.
Она молодых-то ребят
В солдаты отдает,
А середовых мужиков
Все в винокурични,
Удалых молодцов
На фабрички,
Красных девушек
Всё в батрачушки,
Оставляет она сиротками

Дробных детушек, малолетушек.
Старым-то она
Не дает отдохнуть,
Старикам не дает
За двором приглянуть.
Она гонит их на работушку,
На работушку все тяжелую,
На тяжелую, подневольную,
Подневольную да пригонную [Там же, с. 251].

В рассматриваемом контексте примечательна песня «Воробушка – воробей, горюн бедный молодой». Образ молодого крестьянина, замученного тяжелой работой на барина, в тексте песни метафорически трансформируется «в воробушку-воробья», у которого:

...Болят больно голова,
А у нашей воробушки
Болят больно ребрышки
С господской работушки [Там же, с. 253].

Вероятно, метафорический образ «воробушки-воробья» здесь не случаен. В славянской символике животных воробья наделяют такими качествами, как легкость, живость, проворство [Гура, 1997, с. 588, 598]. Но тяжкий труд лишил «воробушку» этих качеств. При этом в тексте песни указывается причина тяжелой работы на помещика, связанная с желанием господ жить в удовольствии и веселье:

...В Семеновых хоромах
Пьют гости и гуляют,
Весело играют,
Радостно говорят,
За хлеб-соль благодарят [Русская лирическая песня, 2004, с. 254].

Образ «воробушка-воробья», страдающего от чрезмерных физических нагрузок в ходе работ, является аллюзией широкого плана, передающий обобщенный образ крепостных крестьян.

Тяжелая крестьянская жизнь, связанная не только с повинностями, весьма красочно показана в песне «Как за барами житье было привольное». Данная песня была широко известна среди крестьян Саратовской губернии в 40-х гг. XIX в., и её текст был найден в архивных материалах о крестьянине Абутине – подстрекателе крестьян к бегству от бар [Бродский, 1911, с. 73–74]. Как указывает В.С. Бахтин, текст песни относится к среде, далекой от письменной литературы, но производит впечатление сложенной, может быть, даже на бумаге [Бахтин, 2004, с. 32]:

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом побито,
Нагишом за плугом спотыкалися,
Допьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах вить послужено,
Что в Сибири перебивано,

Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
А теперь за бар мы Богу молимся;
Божья церквя – небо ясное,
Образа вить – звезды частые,
А попами волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес – то наши вотчины,
Тракт проезжий – наша пашенька,
Пашню пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеявши,
Не цепом молотим – слегою
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим... [Бродский, 1911, с. 73–74].

Текст песни изобилует различными социальными образами. По мнению В.С. Бахтина, «... так важен его собственный внутренний ритм, звукопись, своеобразная рифмовка, что всего этого слишком много для пения, где необходим ”воздух“, некое пространство для мелодии. Строку ”А теперь за бар мы Богу молимся“ почти невозможно спеть, она не рассчитана на это. Это талантливая поэзия (хотя, возможно, текст и пели...)» [Бахтин, 2004, с. 33]. Есть мнение, что это баллада, возникшая в кругу дворянских людей [Там же].

Масштаб данного поэтического произведения поражает, особенно его первой части, где показана незавидная судьба различных социальных групп – крестьян, солдат, каторжников. Поэтический талант, антикрепостническая экспрессия, стремление к свободе сближает это произведение с единственной в своем роде повестью в стихах «Вести о России» неизвестного крепостного крестьянина из Ярославской губернии, написанной в 40-е гг. XIX в. [Снытко, 1961, с. 22]. Та же широта и обобщенный антикрепостнический накал в сочетании с талантливой поэтической формой. В качестве примера можно привести следующий отрывок из указанной повести:

... На свет в цепях все рождены
И с ним до гроба жить должны,
При сем узнай, дорожный, ты
Причину нашей нищеты:
Здесь обычай бояр такой –
Её к нам ставят на постой!
И так порядок бестолков,
Что уж не в силу их пороки,
Пускай по делу с мужиков –
А то ведь с девок, с баб берут оброки.
Иль вот, мне семьдесят уж лет,
А податям и сбавки нет.
Велят на деле с молодым трудиться
И лить рекою пот с лица [Вести о России, 1961, с. 32].

Еще в 1911 г. или, может быть, чуть раньше Н.Л. Бродский, анализируя текст песни «Как за барами житье было привольное», подчёркивал, что данная песня «... составлена с исключительной целью пропаганды бродяжничества, побега от господ, вольной жизни и разбоя» [Бродский, 2012, с. 897]. С этим выводом можно согласиться, беря во внимание содержание строк с 13 по 24.

Укрытие крестьян в лесу в ходе подавления их неповиновения помещику с помощью воинской команды отражено в песне «Как в городе, во Устюжине»:

Как в городе, во Устюжине,
Во деревне, во Денисовой
У крестьян Долгогреевых
Проявилась экзекуция,
Экзекуция Царя Белаго,
Царя Белаго, Православного.
Подходили храбрые воины,
Храбрые воины гарнизонные...
Скрывались добрые молодцы
По темным лесам;
Кинули свои хижинки,
Оставили малых детушек,
Молодых жен – на позор людской.
Вы потерпите, после вам слюбится.
Собирайтесь в одно место,
Во остров, во Костыжницу,
Напишем просьбу однокровную,
Однокровную, однослезную;
Выберем себе ходока,
По имени Трифона Петровича.
– Ты ступай, наш родной брат,
Не жалея тоски заботушки,
Ты ступай во Петровский град,
Во Петровский град на Неву реку.
На Неве реке там стоит дворец
Царя Белаго, Православного;
Ты подай, подай просьбушку
Царю Беламу, Православному [Бродский, 1911, с. 72–73].

Н.Л. Бродский прямо указывает, что данная песня сложена «помещичьими крестьянами (Тверская губ.) во время укрывательства их в лесу от военной команды» [Там же]. То есть песенный текст отражает реальные события подавления антипомещичьего выступления крестьян. Что еще обращает на себя в рассматриваемой песне, так это надежда на справедливость «Царя Белаго, Православного», который, по мнению крестьян, разберётся в конфликте и защитит крестьян. Для этого они готовы направить к царю своего ходока с «просьбой однокровной, однослезной».

В песнях антикрепостнической направленности отдельно стоят песни, сложенные в среде дворовых. В них заметное место занимает обращение дворовых к крестьянам, которые якобы завидуют жизни прислуги в усадьбе. Наиболее акцентированно этот дискурс отражен в песне «Уж мы сядем, посядем»:

Уж мы сядем, посядем...
Споём песню мы, ребята,
Да про нашо житье,
Да про горюшко свое:
Что в неволе все живем,
Крепостными век сльвем.
Как и наши господа
Все не милостивые,
Не разсудливые:

На работу посылают,
Куском хлеба попрекают,
А крестьяне завидуют,
Что дворовому житью:
Он и пашеньки не пашет,
Сохи в руки не берет,
В оброк денег не кладет.
Ах вы, глупые крестьяне,
Поживите-ка с нами!
Уж и нет хуже на свете,
Как дворового житье:
Куда крикнут – беги скоро,
Чтобы дело было споро.
Обернулся назад,
А мне палкою грозят.
У нас завтра, братцы, праздник,
Надо нам погулять.
Погуляли молодцы,
Что до утра, до зари.
Пришли домой по утру,
Припас барин по кнуту... [Штейн, 1886, с. 667–668].

Вариацией на данную песенную тематику является песня «Што на свете тому»:

Што на свете тому,
Хто в господском дому.
В оброк денег не дае,
Ен на барщину не ходя,
На год соли не купляя.
– Глупые крестьяне,
Не разумны мужики,
Не разумные, не разрядливые,
Пойдемте-ка к нам,
Поживите-ка с нам,
Погадаете вы нам.
На работу гонят рано,
С собой хлеба дают мало,
А после того пеняют
Что мало работаем...
... Гулять пойдём в полночь,
Домой прийдём на свету,
Про нас свито по кнуту
Не велят нам выправляться,
Велят скоро раздеваться.
Скоро рубашечку с плеч,
Начинали нас больно сечь.
Секли спину мою больно,
Гулять с девушками довольно [Там же, с. 668–669].

Дворовые указывают, что их жизнь значительно хуже крестьянской. Они, в отличие от большинства крестьян, фактически лишены личного пространства, находясь под постоянным

контролем бар, включая праздники. Также в рассматриваемом контексте необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в напряженные периоды сельскохозяйственных работ их выгоняли в поле наравне с крестьянами. Кн. Н. Волконский, рязанский помещик, подчеркивал: «"Дворня – наша гвардия", – говорил дедушка П.В. Колобов, и, действительно, в его хозяйстве она составляла, между прочим, и род резерва рабочих сил, которые можно было ввести в дело, когда потребуется. Полевые работы должны были знать все дворовые, и, например, в рабочую пору всего имения все дворовые женщины, кроме кружевниц и вышивальщиц, которым важно было не испортить пальцев, брались за серп, столяры, кузнецы, кучера и проч. бросали свои обычные занятия и выходили в поле помогать уборке. То же, конечно, бывало и в других хозяйствах, кроме самых богатых» [Волконский, 1898, с. 5–6]. При анализе рассматриваемых песен важно указать на повсеместную практику использования труда дворовых в поле.

Беря во внимание использование труда дворовых на сельхозработах, строки в песне «Што на свете тому»: «На работу гонят рано, с собой хлеба дают мало», скорее всего, связаны с работами в поле. На работы в усадьбе дворовых не поднимали, они поднимались сами, будя друг друга, и хлеба в период работ не давали, ели в специально отведенных для этого местах в определенное время.

Песни «Послали холопа скоро» [Штейн, 1886, с. 668] и «С девчонкою застоляся» [Новикова, 1957, с. 80] аналогичны по содержанию двум вышерассмотренным песням в плане показа тяжести жизни дворовых.

Заключение

Проведенный анализ текстов народных песен антикрепостнической направленности показывает топос барина в крестьянском сознании. Он неразрывно связан с отсутствием христианского обращения со своими крестьянами и дворовыми, не выходя на уровень широких социальных обобщений. Песенные «жалобы» весьма конкретны, в первую очередь они указывают на предельно тяжелый характер работ на помещика, включая и дворовых. При этом демонстрируется широкий спектр вариаций эксплуатации крепостных крестьян, начиная с барщины и заканчивая принудительным переселением крестьян с одной вотчины в другую. В песнях дворовых особо подчеркивается отсутствие у них личного пространства, даже физические наказания за отдельные проступки воспринимались не как трагедия. Но постоянный контроль за их личным пространством, включая возможность общения с девушками, воспринимался весьма негативно.

Топос барина в песенном фольклоре показывает противоположные аксиологические установки у помещиков и их крестьян. Крестьяне в своей основной массе воспринимали крепостную неволю, исходя из социальной установки «Так жили наши деды, отцы, так и нам жить», но этот принцип должен был соответствовать крестьянским представлениям о христианской барской добродетели. Помещики, в свою очередь, не считали себя чем-то ограниченными в правах на своих крестьян. Это социально-психологические противоречия весьма рельефно отражены в народных песнях антикрепостнического дискурса, где в отдельных случаях звучат призывы к побегу из барских поместий и присоединения к «вольнице», грабящей и убивающей помещиков. Именно в них есть попытки обобщения судеб крепостных крестьян.

Список источников

- Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина. 1830–1840. 1961. Под ред. М.В. Нечкиной. Ярославль, Ярославское книжное изд-во, 156 с.
- Волконский Н., князь. 1898. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Рязань, Тип. губернскаго правления, 86 с.
- К воле. Крепостное право в народной поэзии. 1911. Сост. Н.Л. Бродский. Москва, Польза, 194 с.

Песни русского народа, собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году. Сост. Ф.М. Истомин, Г.О. Дютшъ. 1894. Санкт-Петербург, Императорское Русское Географическое Общество, 244 с.

Русская лирическая песня. 2004. Сост. В.С. Бахтин. Санкт-Петербург, Композитор, 700 с.

Русские народные песни. 1957. Сост. А.М. Новикова. Москва, Художественная литература, 736 с.

Салтыков-Щедрин М.Е. 2020. Язвы русской жизни. Записки бывшего губернатора. Москва, Родина, 272 с.

Список литературы

Бахтин В.С. 2004. Русская песенная лирика. Русская лирическая песня. Сост. В.С. Бахтин. Санкт-Петербург, Композитор: 5–52.

Бродский Н.Л. 2012. Крепостное право в народной поэзии. *Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем*. В 2-х книгах. Книга первая. Под ред. А.К. Дживелегова и др. Москва, Издательский Дом ТОНЧУ: 877–914.

Гура А.В. 1997. Символика животных в славянской народной традиции. Москва, Индрик, 912 с.

Керженцев Б. 2023. Крепостное право в России: как это было. История, факты, свидетельства современников. Москва; Санкт-Петербург, Нестор – История, 288 с.

Колпакова Н.П. 1962. Русская народная бытовая песня. Москва – Ленинград, Изд-во Академии наук СССР, 284 с.

Миронов Б.Н. 2018. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург, Дмитрий Булавин, 992 с.

Пропп В.Я. 1961. О русской народной лирической песне. *Народные лирические песни*. Ленинград, Советский писатель: 5–68.

Семевский В.И. 1888. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. В 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург, Тип. Тов-ва «Общественная польза», 625 с.

Снытко Т.Г. 1961. Введение. *Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина. 1830–1840*. Под ред. М.В. Нечкиной. Ярославль, Ярославское книжное изд-во: 3–22.

Шейн П.В. 1886. Крепостное право в народных песнях. *Русская старина*. Т. XLIX: 483–492, 667–678.

References

Bakhtin V.S. 2004. Russkaya pesennaya lirika. Russkaya liricheskaya pesnya [Russian Song Lyrics. Russian Lyric Song]. Sost. V.S. Bakhtin. Sankt-Peterburg, Kompozitor: 5–52.

Brodskiy N.L. 2012. Krest'yan'skiy vopros v narodnoy poezii [Serfdom in Folk Poetry]. *Velikaya reforma. Russkoe obshchestvo i krest'yan'skiy vopros v proshlom i nastoyashchem*. V 2-kh knigakh. Kniga pervaya. Pod red. A.K. Dzhivelegova i dr. Moskva, Izdatel'skiy Dom TONChU: 877–914.

Gura A.V. 1997. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoy traditsii [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moskwa, Indrik, 912 p.

Kerzhentsev B. 2023. Krest'yan'skiy vopros v Rossii: kak eto bylo. Istoriya, fakty, svidetel'stva sovremennikov [Serfdom in Russia: How it Was. History, Facts, Testimonies of Contemporaries]. Moskwa; Saint Petersburg, Nestor – Istoriya, 288 p.

Kolpakova N.P. 1962. Russkaya narodnaya bytovaya pesnya [Russian Folk Everyday Song]. Moskwa – Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 284 p.

Mironov B.N. 2018. Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern [Russian Empire: From Tradition to Modernism]. V 3 t. T. 3. Saint Petersburg, Dmitriy Bulavin, 992 p.

Propp V.Ya. 1961. O russkoy narodnoy liricheskoy pesne [About Russian Folk Lyric Song]. *Narodnye liricheskie pesni*. Leningrad, Sovetskiy pisatel': 5–68.

Semevskiy V.I. 1888. Krest'yan'skiy vopros v Rossii v XVIII i pervoy polovine XIX veka [Peasant Question in Russia in the 18th and First Half of the 19th Century]. V 2 t. T. 2. Saint Petersburg, Tip. Tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 625 p.

Snytko T.G. 1961. Vvedenie. Vesti o Rossii [Introduction. News about Russia]. *Povest' v stikhakh krest'yanina. 1830–1840*. Pod red. M.V. Nechkinoy. Yaroslavl', Yaroslavskoe knizhnoe izd-vo: 3–22.

Sheyn P.V. 1886. Krest'yan'skiy vopros v narodnykh pesnyakh [Serfdom in Folk Songs]. *Russkaya starina*. T. XLIX: 483–492, 667–678.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.11.2024
Поступила после рецензирования 26.11.2024
Принята к публикации 29.11.2024

Received 06.11.2024
Revised 26.11.2024
Accepted 29.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1699-1956](https://orcid.org/0000-0003-1699-1956)

Шаповалова Светлана Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9305-8564](https://orcid.org/0000-0002-9305-8564)

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Svetlana P. Shapovalova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia